

Культура. — Трагики вымерли, подобно мамонтам

1998. 20-26 авг. — с. 12

Анатолий Кацунский — один из «последних могикан» Театра имени Евгения Вахтангова, которому отдано полвека жизни. Он — из тех, кого интересуют не только собственные роли и спектакли, в которых он занят, но и судьба родного Вахтанговского театра в целом, общая ситуация, сложившаяся на современной российской сцене, этические и эстетические проблемы искусства актера. Об этом и нынешние размышления артиста. Кстати, он не просто теоретизирует. Давно не имея новых ролей, к своему юбилею Кацунский вместе с группой молодых коллег-вахтанговцев самостоятельно сделали спектакль. И не какой-нибудь, а лермонтовский «Маскарад», поэтическую трагедию. Сам же юбиляр замечательно исполнил роль Арбенина — в настоящих традициях русского трагического театра.

Нас осталась небольшая горсточка актеров, которым посчастливилось выходить на сцену вместе с непосредственными учениками и соратниками Вахтангова. И здороваясь за руку с Борисом Захаровым, Рубеном Симоновым, Цецилией Мансуровой, мы почти физически ощущали теплоту ладони самого Евгения Багратионовича. Старшие вахтанговцы очень хотели, чтобы каждый из нас стал не просто мастером своего дела, но художнической личностью. Они понимали, молодежь — это будущее театра, и если Вахтанговский будет жить, то и они обретут бессмертие.

Относились ли мы, молодые, к родному театру так, как его первое поколение? Не думаю. И разница в том, что они создавали этот театр, а мы продолжали их дело. Но думаю, что многие из нас оправдали надежды учителей.

С тех пор прошло много времени. 1 сентября исполнится 50 лет, как я стал актером Театра имени Вахтангова. Но ведь было еще Щукинское училище, где мы уже выходили на сцену. Получается, что 55 лет жизни отданы этому коллективу.

Но сейчас мне хочется говорить не только о Вахтанговском театре, но вообще о российской сцене. Конечно, сегодня есть много хороших спектаклей, замечательных актеров. Но мне часто бывает тревожно. Я ощущаю — из театра уходит романтика, поэзия. А ведь не надо забывать, что в традициях русского актера была не только простота, но и пламенный пафос. Великие трагики прошлого не знали системы Станиславского, но играли так, что их шепот был слышен в последнем ряду галерки. Умели держать стихотворную строчку, не роняя ее. Могли на одном дыхании произнести целый монолог. И кровь стыла в жилах у зрителей.

Потом пришел великий Станиславский. Убрал из старого театра котурны, штампы, пошлость. Актеры научились играть Чехова и других современных авторов — просто и естественно. А я вспоминаю слова Коклена: «Актер должен быть естествен, но как орел, а не курица». «Не увлекайтесь чрезмерно психологией, — предупреждал и Вахтангов, — можете нажить психологическую грыжу». И в самом деле, мы в поисках жизненной правды, или правденки, частенько зарываемся в землю, в грязь, как кроты. Слепнем и уже не видим ни неба, ни звезд, ни беспредельной высоты, которая над нами и в каждом из нас.

Как-то один вахтанговский актер на собрании высказал соображение: на сцене надо играть так же грубо, как груба сама жизнь. На что из зрительного зала Р.Симонов бросил реплику: «Да, но и грубость может быть изящной». А М.Астангов замечательно сказал: «Когда я выхожу на сцену в роли ничего, от него не должно дурно пахнуть».

Думаю, во многом «повинен» социалистический реализм, который насаждался в нашем театре долгое время. Тогда и русская классика, как это ни странно, оказалась на обочине. Исчезло понятие амплуа, учитывая которое, в России испокон веку формировались труппы. А при соцреализме любой исполнитель мог играть все: трагические, комические, характерные

роли. Что хотел, то и играл. Верно ли это? Не знаю... В старом русском театре превыше всего ценились трагические актеры, которых сегодня, по существу, нет, они вымерли, как мамонты. И уже где-то в конце актерской иерархии находилось амплуа простака. Но при соцреализме все перевернулось — на первое место вышел простак и

артиста по голове. По-моему, комментарии излишни.

Но вернемся к трагическому театру. Я часто слышу: а нужна ли вообще сегодня трагедия? Такая беспроблемная жизнь вокруг... Надо, наоборот, сместить народ, смех — это лекарство. Что на это можно ответить? Жизнь всегда была нелегкой забавой, особенно в многострадальной России. Но как же быть с письмом зрителя, посланным когда-то великому Мочалову? Цитирую по памяти: «Я не хотел жить, но пришел вчера на вашего «Гамлета» и вновь люблю жизнь». А ведь в финале этой пьесы — четыре трупа. Вот в этом величайшая, ценность трагического актера, герой которого, умирая, утверждает жизнь. Да, зритель плачет, но это слезы очищения. А нам сегодня, как никогда, нужно это очищение. В нынешней мелко-травчатой жизни кто-то беднеет, кто-то растерян и не знает, что делать, немногие богатеют, а у некоторых душа стремительно падает

Сцена из спектакля «Маскарад»
А.Кацунский — Арбенин, Н.Гришаева — Нина

стал называться «социальный герой». Актер должен быть обычной внешности, среднего роста, с негромким голосом, потому что он играет «народ». Вершиной его театральной карьеры становился товарищ Ленин. Не принц Гамлет, не король Лир, не царь Борис, но товарищ Ленин.

А если меня спросят, как влиял соцреализм на психологию творческой личности, я бы привел два эпизода. Вот первый. Эпоха Возрождения. Микеланджело, лежа на высоких нарах, расписывает Сикстинскую капеллу. И вдруг вошел папа Римский и прервал работу художника. Микеланджело в гневе швырнул кисть в папу, испачкав ему мантию. Все бросились на художника. Но папа остановил их: «Не троньте его, он разговаривал с Богом». Эпизод второй, о котором рассказал мне Р.Симонов. После торжественного концерта в Большом театре по поводу юбилейной Октябрьской даты Сталин пригласил некоторых артистов на ужин. И где-то за полночь один очень известный актер (не буду называть его фамилию) вдруг лег у ног Сталина, преданно глядя ему в глаза. Подошел человек из охраны с намерением навести порядок. «Не троньте его, — сказал Сталин, — он лежит у ног Бога». И погладил

на дно кошелька и, сладострастно извиваясь, чавкает купюрами. И это великая русская душа! Мне кажется, в театрах должны сегодня звучать не только смешные сцены, но и очищающие трагические аккорды.

Но трагедия требует особой манеры актерского исполнения. Жаль, что слово «театральность» сегодня стало почти ругательным. Актеры привыкли играть в кинематографической манере, но театр может обойтись без многих кинематографических тонкостей, шепота «под себя», когда тебя в пятом ряду партера не слышно. На сцене мы все время что-то про себя решаем, адресуем актерский посыл «на деревню дедушке». Так этот конверт порой и не распечатывается до конца спектакля. Это называют «интеллигентной манерой игры». Она часто очаровывает, даже восхищает зрителя, но никогда не потрясает.

Актер сегодня должен вырваться из тесных кулис, стать лицом к лицу со зрителем и распахнуть свою душу. И тогда вместо кулис и колосников зритель увидит небо и звезды. Так было в русском театре, так и должно быть.

Анатолий
КАЦУНСКИЙ